

ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕГО САУРАНА

Ни один из известных средневековых письменных источников, касающихся событий северо-востока Средней Азии, не мог обойти вниманием город Сауран из-за важной роли, которую он играл в средневековой истории региона¹. Как показали современные историко-топографические и археологические исследования, средневековый Сауран представлен двумя разновременными городищами – Каратобе и собственно Сауран. Они с прилегающими пригородными усадьбами, агро-ирригационными планировками и конструкциями, некрополями, загородными садо-парковыми комплексами и пр. составляют основу «Сауранского археологического комплекса»².

Сегодня вполне точно, что эти городища памятники одного средневекового города – Саурана. Но поскольку на городище Сауран в основании свиты культурных напластований не были выявлены слои и материалы, датируемые временем ранее чем XIII–XIV вв., а в письменных памятниках Сауран упоминается с X в., в середине прошлого века было сформулировано мнение о том, что ранний Сауран локализуется где-то на левом берегу р. Сырдарьи³, т.е. город, в какой-то исторический момент (?), сменил свое местоположение, что вполне обычное явление в истории многих крупных городов. Позже предлагалась локализация до монгольского Саурана на месте городища Мейрамтобе, имеющего свое-

¹ См.: Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран. Алматы, 2006.

² Смагулов Е.А. Сауранский археологический комплекс: дефиниция, содержание, границы // Изв. МОН РК. 2007. 1. С. 126-136.

³ Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 5. 1958. С. 109-110.

образную топографию с многоярными кольцевыми стенами⁴. И лишь более детальные историко-топографические исследования позволили локализовать ранний Сауран на ближайшем к позднему Саурану городище Каратобе⁵. Предварительные археологические исследования на городище датировали его верхний культурный слой, а значит, верхний рубеж интенсивной городской жизни XII–XIII вв.⁶ Эта датировка совпала по принципу последовательности с датировкой нижних слоев внутри крепостных стен позднего Саурана. А обнаружение под первым, самым нижним строительным горизонтом позднего Саурана захоронений послужило основанием для гипотезы о перемещении нового города на место старого городского кладбища⁷.

В последние годы в рамках госпрограммы «Культурное наследие» Институтом археологии им. А. Х. Маргулана развернуты широкомасштабные исследования позднего Саурана, где вскрывается ряд фундаментальных культовых и общественных сооружений формировавших архитектурный облик города в XIV–XVIII вв. (жума-мечеть, медресе, ханака), исследованы северные городские ворота с «привратным комплексом», мечеть-намазгох у северного некрополя, ряд пригородных усадеб. Городище Каратобе не вошло в число номинантов Госпрограммы, и широкомасштабные археологические исследования, имеющие перспективу консервации и музеефикации объектов древнего Саурана, начаты здесь в 2006 г. на средства ОФ «Олкетану» (г. Тараз)⁸. Основным объектом исследований стал раскоп I в ЮВ углу цитадели городища. В ходе планомерных работ получены массовые материалы, характеризующие различные стороны городской культуры, сделаны, как нам представ-

ляется, показательные стратиграфические наблюдения по археологически малоисследованному периоду XI–XIII вв. в истории развития городской культуры на юге Казахстана.

Эта публикация ставит своей задачей кратко наметить некоторые проблемы, постановке и рассмотрению которых способствуют новые материалы Древнего Саурана, ознакомить читателей с некоторыми комплексами находок, характеризующими уровень развития городской культуры в регионе⁹.

Топографию памятника можно описать как три, ограниченных крепостными стенами, пространства, почти строго концентрически вписанных друг в друга.

Контур наружных стен описывает почти правильный круг диаметром 1900–2000 м с ломаным периметром стен. Она охватывает площадь примерно в 3–3,5 км² и имела общую протяженность около трех километров. Обращает на себя внимание «изломанность» линии этой стены. Можно полагать, что изломанный контур служил для придания стене повышенных фортификационных свойств. Внутренний город был ограничен стеной длиной в 2200 м ограничивающей почти правильный квадрат. Овальную цитадель в центре квадрата охватывала стена протяженностью около 1000 м. Т.е. по своим масштабам для предмонгольского времени город Сауран был действительно одним из крупнейших городских центров на юге Казахстана и по своим основным параметрам вполне сопоставим с древним Оттаром.

Как показали наши исследования, верхний рубеж интенсивной городской жизни на Каратобе – XIII в.¹⁰ Значит, описанная выше топография городища характеризует город IX–XII вв., т.е.

⁴ Байтаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII вв.). Алма-Ата, 1986. С. 27.

⁵ Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. С. 307; Байтаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998. С. 65–70.

⁶ Байтаков К.М., Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран... С. 62–67. (Эту датировку следовало бы уточнить, что возможно после проведения целенаправленных археологических исследований).

⁷ Смагулов Е., Туякбаев М., Ержигитова А. Краткие итоги исследований Туркестанской археологической экспедиции в 1999 г. // Изв. МОН РК. НАН РК. 2000. №1.

⁸ Директор Общественного фонда Е. К. Баймурзин, которому мы, пользуясь случаем, выражаем свою благодарность.

⁹ В работах на городище Каратобе участвуют М. К. Туякбаев (г. Туркестан), А. А. Ержигитова (г. Шымкент), У. Кумисбаева (г. Шымкент, художник), А. Жумабаев (г. Бишкек); принимали участие С. А. Яценко (г. Москва), Н. П. Столярова (г. Ташкент), А. Сулайманова (г. Бишкек). Пользуясь случаем, выражаем всем сотрудникам экспедиции признательность и благодарность за нелегкий труд в сложных полевых условиях.

¹⁰ Байтаков К.М., Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран... С. 62–67.

саманидского и караханидского времени, времени наивысшего расцвета городской жизни на юге Казахстана, всплеска роста городов и вообще оседлой культуры в регионе.

Отмеченные выше топографические особенности свидетельствуют, что город был заложен и первоначально строился по четкому градостроительному и архитектурному плану. Предварительная характеристика его основных топографических элементов и структурных частей (концентрическая зональность, продуманность фортификации, обеспеченность водой и пр.) говорят о высоком уровне проявленного здесь градостроительного искусства.

Датировка XII–XIII вв. верхнего строительного горизонта Каратобе, который фиксируется на всей площади городища, обуславливает и круг археолого-исторических проблем решению которых могут способствовать получаемые материалы. Одной из проблем, на наш взгляд, может быть «проблема монгольского завоевания».

Монгольское завоевание в археологическом контексте. Интересно отметить, что до начала широких исследований городской культуры Казахстана, начало чему было положено сорок лет назад исследованиями Отрара, период XIII – первой половины XIV вв. в истории материальной культуры практически не выделялся, а имевшиеся небольшие, но достаточно выразительные материалы рассматривались в общем «послемонгольском периоде» обычно характеризующем как время упадка городской культуры. Как бы следуя распространенному стереотипному представлению, имеющему, как нам представляется, сугубо идеологическую подоплеку, что с завоеванием, приходом «кочевников-монголов» городская культура должна гибнуть, хиреть. Весьма показательно в этом плане фундаментальное на тот период исследование средневекового Тараза на основе преимущественно археологического материала¹¹. Широкомасштабные стратиграфические работы на цитадели и шахристане Тараза, проведенные в 60-х годах

прошлого века, не выявили явных слоев, которые можно было, безусловно, связать с последствиями монгольского завоевания. О присутствии следов разрушительных событий начала XIII в. в стратиграфии Тараза ничего не говорится ни одним из археологов-исследователей его средневековых слоев¹².

Материалы слоев этого периода рассматриваются Т. Н. Сениговой в пятой главе, которая весьма символично называется «Упадок культуры в Таласской долине (XIII–XVIII вв.)»¹³. Нужно отметить, что для своего времени это была первая монографическая работа по истории казахстанского средневекового города, основанная на новом массовом археологическом материале, который был получен профессионалами археологами в результате продолжительных крупномасштабных для того времени раскопок. Интересующий нас срез истории города представлен материалами 7 и 8 строительных периодов таразской стратиграфической колонки. Что же показывают археологические материалы этих слоев?

1. «Жизнь в Таразе в этот период прослеживается на тех же частях города, что и в предшествующее время», продолжается интенсивная жизнь в городах таразской округи (Н. Барсхане, Шельджи, Сусе, Текабкете, Май-тобе)¹⁴ (отметим, предшествующее время характеризуется как время «наивысшего расцвета» городской жизни в Таразе);

2. В керамическом комплексе помимо обычных эволюционных стилистических в основном изменений появляются новые виды сосудов, новые технологии (кашин), новые сюжеты в декоре¹⁵;

3. Археологический материал подтверждает мнение М. Е. Масона, что Тараз к концу XIII в. остается, как и прежде, центром округа и даже увеличивается его площадь¹⁶;

4. В городе ведется строительство мемориальных сооружений, мало уступающих лучшим образцам своего времени; в них ярко отразился «подъем культуры в рассматриваемый период»¹⁷;

¹¹ Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, 218 с.

¹² Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз... С. 27-56.

¹³ Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз... С. 188-203.

¹⁴ Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз... С. 188.

¹⁵ Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз... С. 189-190, 192-196.

¹⁶ Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз... С. 191.

¹⁷ Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз... С. 191, 198.

5. Массовый археологический материал свидетельствует об «определенном подъеме производительных сил»¹⁸.

Как видим, материалы 7–8 строительных периодов Тараза в комплексе с другими достаточно выразительными археологическими реалиями, и наблюдения археологов, которые не выявили реального слоя монгольских разрушений, отнюдь не свидетельствуют об «упадке культуры» в период, последовавший вслед за монгольским завоеванием. Как минимум, эти материалы говорят о вполне поступательном развитии культуры со свойственными этому процессу инновациями и традициями.

Другой крупнейший город на юге Казахстана, пострадавший от монгольских завоевателей, – это Отрар, который, безусловно, отождествляется с известнейшим городищем Отрартобе. В 1969–1970 гг. здесь были проведены масштабные стратиграфические исследования¹⁹. Стратиграфическая колонка Отрартобе и по сей день остается эталонной для городищ Юга Казахстана. В стратиграфическом раскопе площадью около 200 м² на глубине 5–8 ярусов были вскрыты полы №8–13, разделенные на три строительных горизонта 9, 8 и 7, датированные соответственно X–XI вв., XII – нач. XIII вв. и XIII–XIV вв.²⁰

В этой «пачке слоев» не обнаружено следов «Отрарской катастрофы», что и было специально отмечено авторами раскопок. Не зафиксировали этих следов и стратиграфические шурфы на рабаде городища Отрартобе²¹.

Позже в ходе раскопок на шахристане Отрара «на небольшом участке в северо-западном углу раскопа III» был снова вскрыт горизонт XII в. и вся последующая свита напластований строительных горизонтов «вплоть до XVIII, в.»²². Самый нижний слой, до которого тогда удалось довести раскоп III залегал на глубине от –5,6 м до –4,8 м, т.е. имел мощность примерно в 1,2 м и исследован на площади около 300 м².

Для его строительных конструкций характерна «регулярная кладка из плотного кирпича-сырца желтоватого цвета стандартного формата (40–45x20–22x10 см). Использовался также жженный кирпич размером 20–22x10–11x3,5 см. Стены тщательно несколько раз оштукатурены тонкими слоями обмазки. Жилые комнаты оформлены разновысокими суфами с обязательным тандыром и керамическим очагом-алтарем на полу в центре помещения. Важную роль в интерьере больших помещений играли невысокие перегородки, отделяющие хозяйственные и санитарные уголки, тамбурные входы, коридоры. Для санитарных помещений характерны керамические ванночки, снабженные системой слива воды через трубу (кубур) и колодец»²³.

В стратиграфической номенклатуре раскопа III Отрара этот слой получил № V. Датирован он по комплексу найденных в слое монет и аналогиям массовому материалу со второй половины XII до середины XIII в.²⁴ Л. Б. Ерзакович со свойственной ему осторожностью в выводах и пунктуальностью в наблюдениях в этой связи отметил: «По всей вероятности, пожар произошел во время разгрома Отрара монголами в начале 1220 г. Если учесть, что выше уровня пола со следами пожара существовал еще один, верхнюю дату V горизонта можно обозначить серединой XIII в.»²⁵

При этом автору удалось сделать ряд ценных и интересных микростратиграфических наблюдений. «Синхронность помещений прослеживается по поверхностям полов, из которых третий и кое-где второй имеют следы пожара. Однако завал в помещениях отсутствует. Поздний пол перекрыт мощными натечно-надувными слоями, особенно четко фиксируемыми в северо-восточной части раскопа, поскольку этот участок долгое время оставался заброшенным. Присутствие более поздних построек рядом со стенами заброшенных помещений свидетельствует о разновременности слоя на уровне горизонтальной

¹⁸ Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз... С.194.

¹⁹ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972. С. 51–83.

²⁰ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар ... С. 60–72.

²¹ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар ... С. 80–81, 83.

²² Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV веках. Алма-Ата, 1987. С. 3.

²³ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV веках. Алма-Ата, 1987. С. 15.

²⁴ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV веках... С. 19.

²⁵ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV веках... С. 15.

стратиграфии»²⁶. Т.е. длительный заброс и разрушение застройки этого участка происходит после середины XIII в., а не в 20-х годах, как это должно было быть. Значит, опять мы видим некоторую «неувязку» археолого-стратиграфических данных и сведений письменных источников. Вряд ли можно связывать отмеченные пожары на разновременных полах пятого строительного горизонта раскопа III (нет завала крыши, развала стен) с теми последствиями для города, которые рисуются по данным письменных источников. А вкупе с данными по стратиграфическому раскопу 1969–1970 гг., это выглядит, во всяком случае, странным.

За последующий период раскопок средневековых памятников Южного Казахстана (Туркестан, Сайрам, Сыгнак, городище Шымкент и Антоновское, и пр.) так и не было вскрыто слоев с пожарами и массовыми разрушениями, которые можно было бы однозначно отнести к результатам и последствиям монгольского завоевания. Не выявлены такие следы и при раскопках слоев XII–XIII вв. на городище Каратобе, отождествляемом с историческим Саураном.

Отсутствие следов трагических событий начала XIII в., связанных с монгольским завоеванием, или же с другими чуть более ранними событиями (завоевание каракитаями, хорезмшахом, найманами), которые в письменных источниках характеризуются как «разрушительные», «опустошительные», но при этом никак не отражаются в стратиграфии культурных слоев, до сих пор не получило истолкования. **Почему разрушительные и губительные по сведениям письменных источников исторические события не оставляют, как показывают данные специальных исследований, своих следов в стратиграфии культурных напластований средневековых городов?** На этот вопрос можно предложить несколько ответов-предположений:

1. Завоевания в действительности не были столь катастрофичными для застройки городов, которая в основном состояла из жилых домов горожан.

2. Средневековые авторы преувеличивали «ради красного словца» степень разрушительности тех или иных событий.

3. Археология не способна выявлять и идентифицировать слои, отложившиеся в результате катастрофических разрушений, вызванных завоеваниями. Методика вскрытия ограниченных по площади участков городской застройки не приводит к выявлению и идентификации слоев со следами разрушений, запустений.

Если признать необоснованность третьего ответа-предположения, то у нас есть основания считать, что исследования верхних слоев городища Каратобе в дальнейшем поспособствуют выработке методики выявления, фиксации, описания следов различного рода «завоеваний» городов и оценки их последствий, как в теоретическом, так и в практическом плане.

Письменные источники характеризуют Сауран X–XIII вв. как важный стратегический и культурный центр в Присырдарьинском регионе. Археологические данные говорят о том, что Сауран был одним из крупнейших городов своего времени на юге Казахстана с древними культурными традициями городской жизни. В ходе работ на городище Каратобе получены массовые комплексы разнообразного материала (жилища, керамика, изделия из металлов, камня, кости, монеты, украшения и т.п.). Издание их дело будущего, здесь же рассмотрим некоторые категории находок, прежде всего, из керамики и бронзы, которые наиболее ярко характеризуют именно городской быт жителей Саурана.

Функция города как ремесленного центра обуславливала концентрацию ремесленного производства внутри городских стен. При расчистке помещений ВСГ и СГ2 на цитадели Каратобе (раскоп 1) обнаружены некоторые артефакты, которые легко определяются как ремесленный инструментарий.

Литейные формы (калыбы). При расчистке ВСГ на раскопе 1 в 2006 и 2008 гг. были найдены части каменных форм для отливки ювелирных изделий. Эти находки свидетельствуют о том, что одно из домовладений, расчищенное нами, по уровню ВСГ могло быть домом местного ювелира.

Первая находка имеет размеры: ширина – 44 мм (в средней части), высота – 55 мм, толщина – 6–7 мм (рис. 1-1). В мягкой мелкозернистой породе камня зеленовато-серого оттенка выточен

²⁶ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972. С. 15.

Рис. 1. Литейные формочки ювелира

трехканальный литник, по которому металл заливался в формочки в виде сдвоенных круглых бляшек. С помощью двух соединительных штифтов, вставлявшихся в соответствующие отверстия в камне, к этой части литейной формы крепилась вторая половина, которая была, вероятно, зеркальна к этой части (рис.). На задней стороне каменной плитки видны следы попытки первоначально выточить двухканальный литник, и лунки намечавшихся отверстий крепления двух частей литейной формочки.

Фрагмент другой ювелирной литейной формочки обнаружен при расчистке помещений на восточном участке Р1 в 2008 г. Фрагмент представляет собой едва ли четвертую часть калыба (рис. 1-2). Формочка выточена из мелкозернистого сланца серого цвета в форме прямоугольной пластины. Материал, т.е. каменная плитка, аналогична первой находке по структуре и цвету. На поверхности сохранилась часть формы для отливки дисковидных с широким центральным отверстием деталей с орнаментированной зигзагообразным узором поверхность. С торца к выточенной формочке идет воронкообразный канал для заливки металла. В углу имеется сквозное отверстие для скрепления двух частей литейной формы. Размер фрагмента – 55х32 мм, толщина 12 мм (рис. 1-2).

Инструментарий гончара. Другим ремесленным инструментом является обломок терра-

котовой формочки-калыба для оттиска в глине антропоморфной личины (или фигурки?) (Р1, 2006 г.).

Ее размеры: ширина 35 мм, сохранившаяся высота – 45 мм, толщина формочки – 11 мм. На внутренней поверхности не высоким рельефом переданы миндалевидные глаза, прямой расширяющийся к ноздрям нос, надбровная дуга, отделявшая прическу от поверхности лба (рис. 3). Обратная сторона плоская, шершавая. Излом приходится на область шеи, поэтому не ясно – были ли показаны на калыбе детали туловища (рис. 2-4).

Другими свидетельствами проживания на вскрытом участке Р1, или поблизости в период XI–XIII вв., мастера-керамиста являются находки нескольких керамических штампов для нанесения орнамента на крупные глиняные изделия, а так же находки мелких, небрежно слепленных керамических сосудиков, которые можно определить как детские игрушки (рис. 4).

Штампы керамиста. При расчистке и снятии конструкций 2СГ на участке у восточной стены в разных местах были найдены пять предметов из обожженной глины, которые мы идентифицируем как гончарные штампы.

Два из них имеют форму печатей – профилированный конус с ручкой-набалдашником кругло-уплощенной формы и плоской рабочей частью с вырезанным на ней рисунком штампа (рис. 3-2,3).

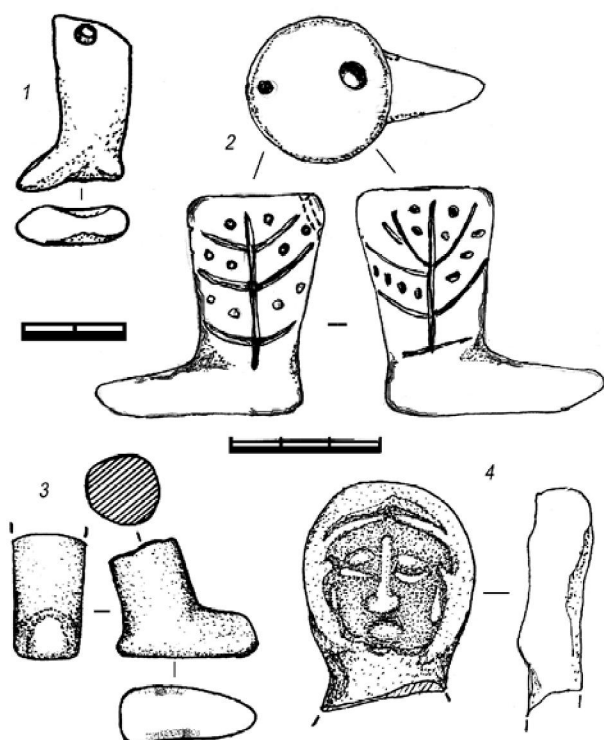

Рис. 2. Мелкие керамические изделия:
1-3 – сапожки-амулеты;
4 – форма-калыб

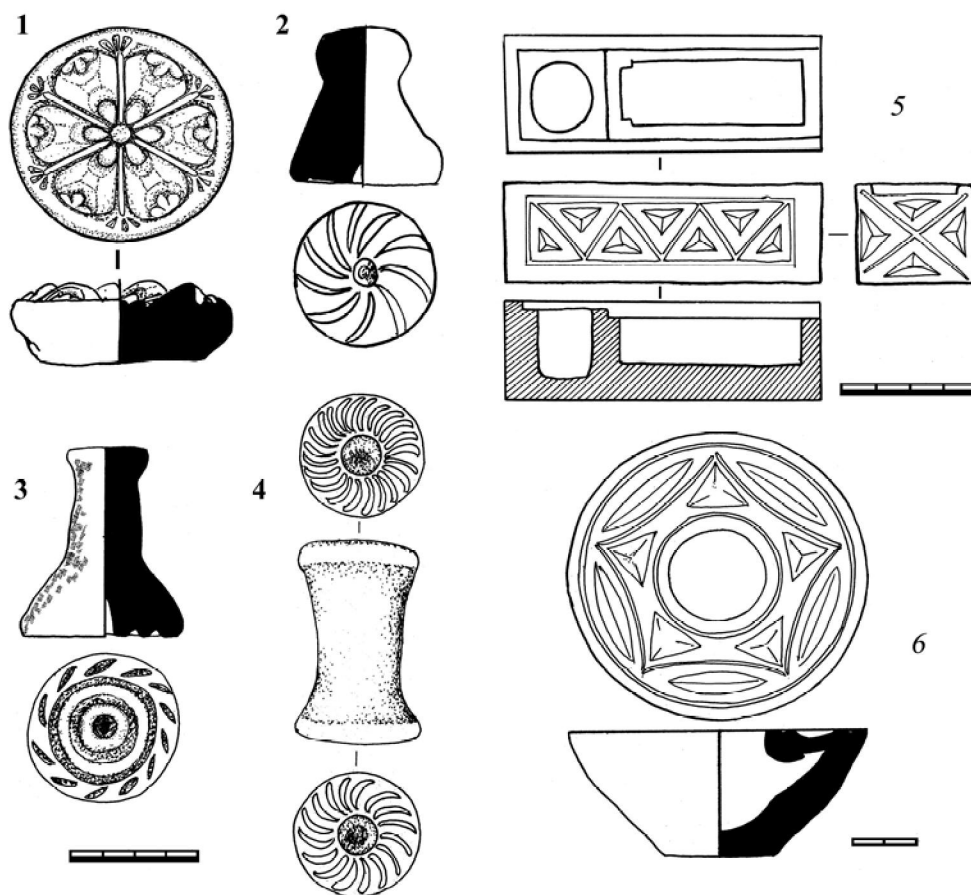

Рис. 3. 1-4 – штаммы гончара; 5-6 – чернильницы

Высота **первой** – 4,9 см, диаметр оттиска – 4,4–4,5 см. Оттиск имел рисунок вихревой розетки с конической шишечкой в центре.

Второй, аналогичный по форме инструмент, имеет высоту 5,6 см, диаметр оттиска 4,5 см. Рисунок получался в виде трех концентрических углубленных колец с шишечкой в центре и с косыми «лучами» во внешнем кольце.

Третий инструмент имеет удлиненную форму, на одном, слегка утолщенном торце которого изображение вихревой розетки диаметром 3,5 см с шишечкой в центре, а оттиск другого конца получался в виде веточки (или деревца? Здесь имеется скол). Длина инструмента – 7 см.

Четвертый штамп имеет выраженную «катушковидную» форму – оба рабочих конца с негативным рисунком утолщены и поверхность их уплощена. На ней вырезан рисунок «вихревой розетки» с шишечкой в центре. Длина (высота) инструмента 55 мм, диаметр рабочей поверхности 38 мм, толщина цилиндрической ручки 22 мм (рис. 3-4).

Керамическим штампом служила, очевидно, и другая находка. Она имеет вид плоского толстого диска, на поверхности которого негативно оттиснута сложная шестидольчатая розетка. Диаметр розетки 7 см, толщина 2,5 см. Края обратной стороны имеют характерные сколы, а средняя часть плоская, что дает основание предположить, что это просто сколотая и выточенная из обломка готового изделия (столик-дастархан?) декоративная розетка (рис. 3-1).

Таким образом, мы имеем три формы инструмента для нанесения оттисков при декоративном оформлении, очевидно, крупных, массивных, керамических изделий (хумы, дастарханы, керамические алтари и пр.). Это односторонние штампы в виде печати с короткой ручкой; «катушковидные» двусторонние штампы и плоские штампы для оттиска крупных и сложных по композиции розеток. Находки подобных штампов служивших, как мы полагаем, для декорирования крупных керамических изделий известны и на других памятниках Средней Азии. Отметим попутно, что, вероятно, один такой катушковидный штамп с двумя рабочими сторонами случай-

но попал в комплекс «каунчинских печатей», т.е. в комплекс инструментов нанесения личных знаков, хотя авторы отметили его необычность в кругу каунчинских личных печатей (массивность, отсутствие отверстия для подвешивания)²⁷.

Как показывают результаты раскопа 1 на Сауране, зоны ремесленного производства, требовавших особых площадей и специального производственного оборудования (например, печей) и жилые дома ремесленников, вероятно, локализовались в разных местах. Если производственный процесс ювелира вполне мог разместиться в одном из вскрытых помещений с небольшим очагом-горном в его же жилище, то для деятельности гончара нужна была специальная гончарная печь, следов которой пока не отмечено на цитадели города.

Сауранские гончары помимо разнообразной посудной керамики изготавливали различные керамические изделия, так или иначе благоустроившие быт горожан. М.б. наличие таких предметов в быту может быть определенным маркером отличавшим города от сельских поселений.

Тандырные керамические декоративные плиты. В этот период (XI–XIII вв.) тандыры в Сауране не имели дымоходов, т.е. топились «по черному». И при этом в наиболее зажиточных жилищах тандыр оформлялся специальной керамической декоративной плитой, как, например, в пом. 29 Р1 2007 г.²⁸ (см.: рис. 1). Специально изготовленный керамический тандыр устраивался в суфе слева или справа от входа, так что круглое отверстие поддувала выходило через край суфы на свободный участок пола перед дверью. Диаметр основания тандыра в пом. 29 0,85 см, высота была не менее 0,7 м. На край суфы выходило круглое отверстие поддувала. В этом месте в стенку суфы вертикально вмазана плоская керамическая плита, в которой заблаговременно было сделано круглое отверстие поддувала. Диаметр отверстия 11 см. Ширина плиты 27–28 см, сохранившаяся высота около 50 см, толщина 2,5 см (рис. 4-1). На лицевой поверхности плиты нанесен декор наклепанными

²⁷ Грицина А.А., Алимов К. Каунчинские печати // ИМКУ. С. 38, рис. 1-10.

²⁸ Смагулов Е.А., Столярова Н.П., Ержигитова А.А., Кумисбаева У. Научный отчет по итогам археологических исследований городища Каратобе (Древний Сауран) в 2007 году. Алматы, 2008, Архив ИА. С.11-12.

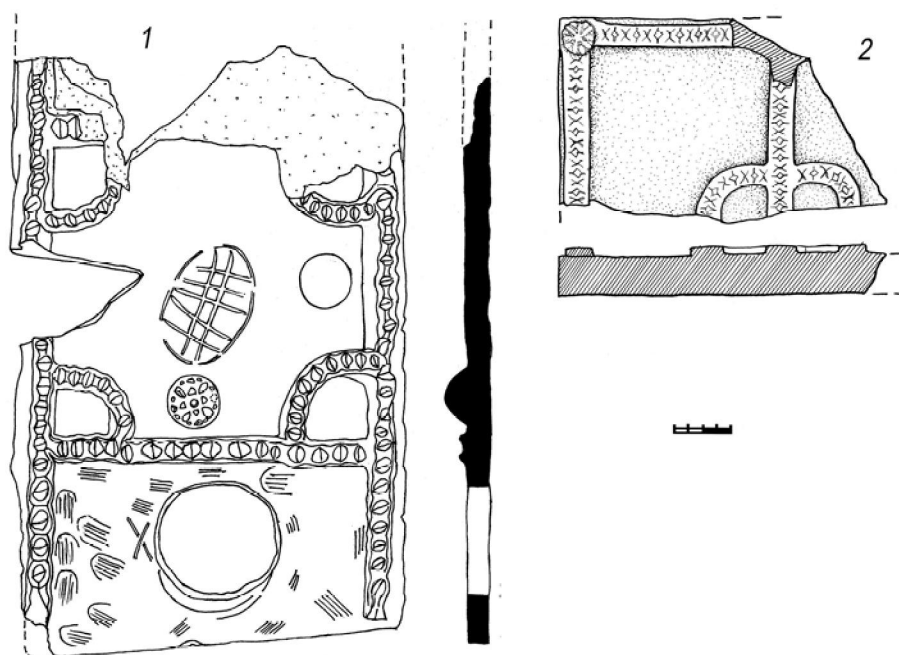

Рис. 4. Керамические декоративные тандырные плиты

жгутами с примятостями, имитирующими «веревочку» и налепными же отштампованными розетками. Причем жгутами поверхность плиты была разделена на три зоны. В центре нижней – отверстие поддувала. В средней квадратной зоне жгутом в углах отделены четвертные сектора, так что центральная фигура приобрела подобие креста с короткими лопастями (?). В середине края двух лопастей налеплены выпуклые круглые розетки, сформованные в специальном калыбе. Одна сохранилась на месте, от другой остался лишь след. У двух других лопастей розетки утрачены. Верхняя лопасть, возможно, и не имела налепленной розетки (?). Верхняя треть панели большей частью утрачена. Вся панель перед обжигом была покрыта плотным красноватым ангобом. В центре средней части еще перед обжигом был небрежно прочерчен знак в виде круга с косой штриховкой внутри. Данная находка *in situ* «тандырной фасадной декоративной плиты» пока уникальна для Каратобе, поскольку пока расчищен один дом, который определенно может быть отнесен к категории домов зажиточных горожан. Отдельно в слое нам попадались фрагменты ангобированных керамических плиток с налепным и штампованным декором, но было не ясно их назначение (рис. 4-2). Теперь же можно *оформление декоративными*

керамическими плитами фасадов тандыров в наиболее репрезентативных домовладениях характеризовать как этнографическую черту сауранской бытовой культуры XII–XIII вв.

Из обожженной глины помимо миниатюрных амулетов и изящной глазурованной керамики изготавливались и массивные бытовые изделия. Наиболее массовыми среди них являются столики-дастарханы, керамические напольные алтари, ванны-тазары и, как мы полагаем, керамические унитазы. Опишем наиболее сохранившиеся из двух последних категорий изделий.

Тазар. Появление этого вида изделий было связано с распространением ислама. Как известно, новая идеология оказывала мощное влияние на частную жизнь каждого неофита и привнесла в бытовую культуру городов некоторые новые черты и элементы. Принято считать, что предписание пятикратной молитвы с обязательным обрядом очищения-омовения перед ней вызвало появление в среднеазиатских частных домах специально отведенных мест для ритуального очищения. С этим предписанием можно по праву связать появление и распространение в быту горожан так называемых «тазаров», керамических ванночек, атрибутов небольших изолированных помещений «даретхана» в домах правоверных.

Ванночка вмазывалась в пол на краю глубокой ямы-бадраба куда и стекала грязная вода. В эту же яму-бадраб обычно и попадали обломки этих ванночек при реконструкции дома. В яме 4/07 2СГ были найдены фрагменты, по которым удастся реконструировать форму этого специфического изделия.

Тазар представлял собой плоскую керамическую ванночку с невысокими бортами по краю. Размеры нашего экземпляра 0,8х0,55 м, высота бортика 8–9 см, при толщине – 1,6–1,8 см. В середине короткой стороны на уровне дна в бортике сделано отверстие, оформленное снаружи как сужающийся носик-слив длиной 7–8 см. На плоской внутренней поверхности по длинной оси прочерчены тремя пальцами, идущие к сливу неглубокие канавки. Изгибающиеся двойные канавки (прочерчены двумя пальцами) имеются на каждой половине дна ванночки (рис. 5-1).

Интересное керамическое изделие было найдено в другой яме-бадрабе 2СГ. Изделие представляет собой короткую (высотой 11 см) трубу овального сечения (23х16 см) с венчиком в виде широкого (7 см) плоского отворота. Изготовлено из плотного теста с добавлением шамота; покрыто желтоватым ангобом; черепок в изломе розового цвета. Толщина стенок 1,5–1,8 см.

Зафиксированных случаев находок подобного рода керамических изделий нам не известно. Поскольку яма, в которой сделана эта находка, явно туалетная яма-бадраб, о чем свидетельствует характерный зеленоватый цвет заполнения, особенно у стенок, то вполне логично предположение, что это керамическое устье туалетной ямы, т.е. своеобразный керамический прообраз современных унитазов.

Каменные котлы. При снятии оснований стен, суф и прочих конструкции ВСГ на участке 2 Р1 2007 г., помимо фрагментов массовых бытовых керамических сосудов, были сделаны интересные находки. Так, в забутовке над помещениями 2 и 4 второго строительного горизонта (2СГ) найдены многочисленные обломки каменных (тальковых) сосудов. Они оказались обломками трех разновеликих котлов, составляющих, вероятно, единовременный комплекс утвари какого-то домовладения (рис. 6). Котлы имели трещины в корпусе в результате долговременного использования. Трещины ремонтировались бронзовыми (в отдельных случаях – железными) скобами-стяжками, которые вставлялись в

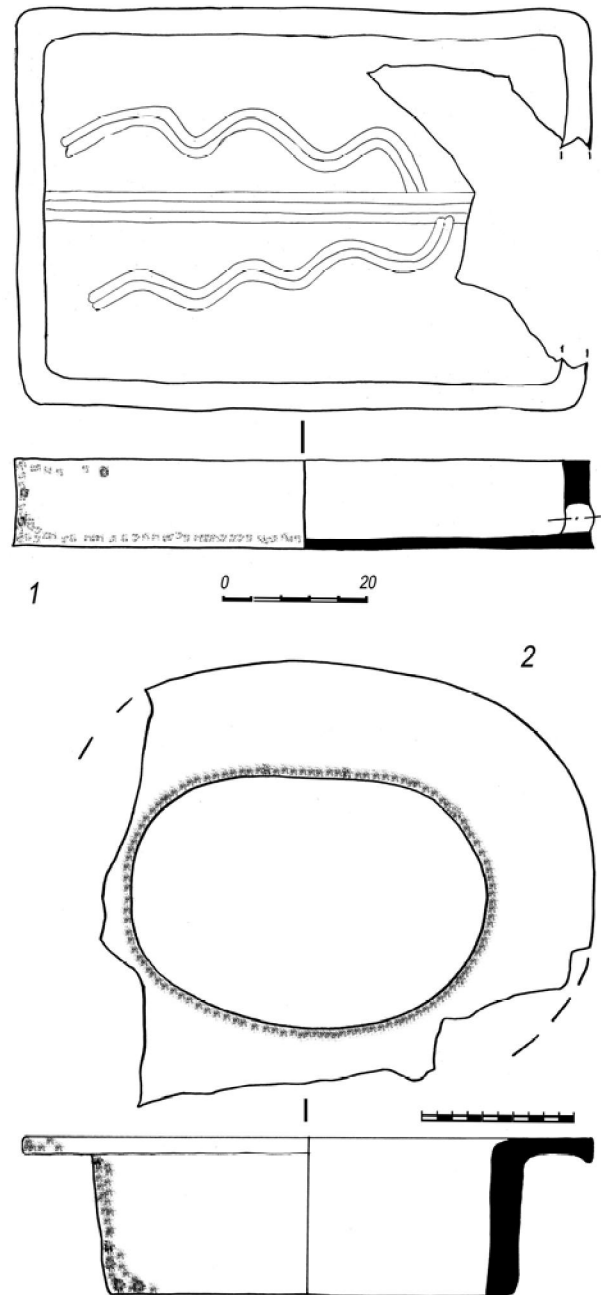

Рис. 5. 1 – Керамическая ванна – тазар,
2 – керамический «унитаз»

заранее просверленные отверстия и расклепывались; сколы восполнялись бронзовыми заплатками, которые крепились так же заклепками. Следы таких ремонтов имеются на всех трех экземплярах. Наружная поверхность тулова котлов от долгого пребывания на огне приобрела черный цвет.

Размеры котлов: диаметр венчика малого котла – 12,2 см; высота 17,0 см, диаметр дна – 19 см; диаметр венчика среднего котла – 19,5 см,

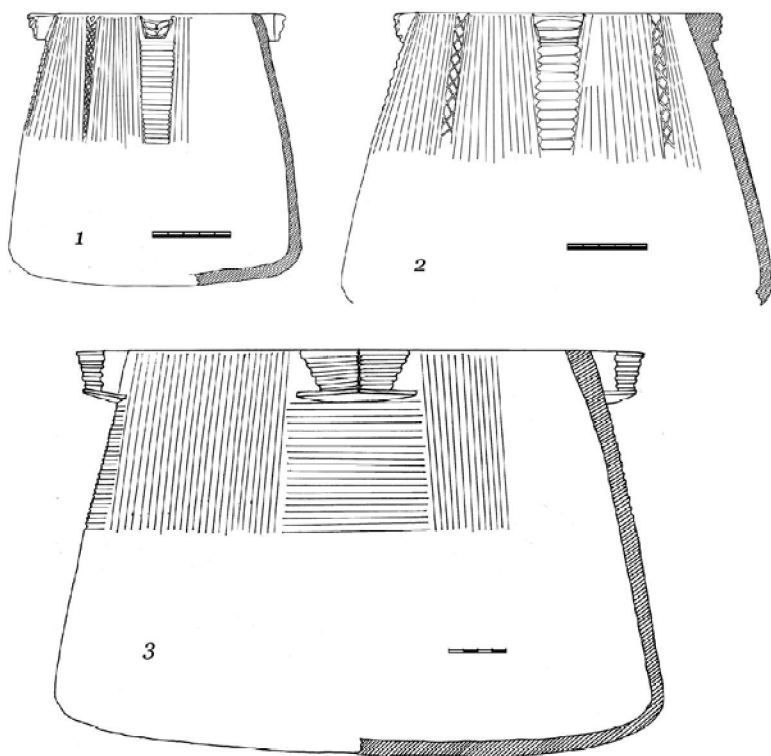

Рис. 6. Комплект каменных котлов

высота – 19,5 см, диаметр дна – 25–26 см; диаметр венчика большого котла – 31,8 см, высота – 25 см; диаметр дна – 42 см. Сосуды с изрядным мастерством были вытесаны из цельных блоков талька; при этом толщина стенок котлов колеблется в пределах 0,5–0,8 см; 0,7–1,3 см; 0,8–1,5 см соответственно. Венчики прямые, никак не выделенные, лишь слегка утолщенные. Фигурные ручки, по четыре у каждого изделия, вырезаны в единстве со стенками; наружная поверхность примерно до уровня середины тулова покрыта выточенными желобками, образующими сложное декоративное убранство, этих явно не рядовых бытовых изделий. В двух ручках малого котелка имеются сквозные отверстия, в которых сохранились обломки железного прута, очевидно, остатки ручки для подвешивания котелка над огнем. У остальных двух котлов этой детали нет.

Каменные котлы, а тем более их комплект, довольно редкая находка в слоях северо-среднеазиатских городищ. Зато они обычны среди бытовых предметов в городах Харасана. Известны их находки, например, при раскопках Ярты-депе²⁹.

Обстоятельства находки (фрагменты разных котлов лежали вперемешку на довольно ограниченной площади) дают возможность предположить, что эти три котла использовались одновременно в быту какой-то зажиточной семьи и были одновременно выведены из обихода и отправлены на свалку. Произошло это, по всей вероятности, перед строительством зданий ВСГ, т.е. период бытования котлов можно отнести ко второму строительному горизонту (XII в.). Здесь же были получены данные по абсолютной хронологии верхних строительных горизонтов центрального холма (цитадели) Каратобе.

На этом же участке, в основном над и внутри заполнения пом. 4 2СГ, собран комплекс медных и посеребренных монет. Находки монет концентрировались над и вокруг устья большой ямы, устроенной в суфе в южном углу помещения. Некоторые монеты найдены и в заполнении ямы. Сохранность монет очень плохая, но большинство из них сохранило ряд типичных признаков. Согласно определению, любезно сделанному П. Петровым, данные монеты представляют собой хронологически относительно единый комплекс дирхемов и фельсов Хорезмшаха Мухам-

²⁹ Бабаев А. Раскопки на Ярты-депе // Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабат, 1982. С. 100, рис. 8.

мада ибн Текеша. Они отличаются диаметром монетного кружка. Подобные крупным монеты чеканились в Самарканде в 610–614-х гг. и ходили до 650-х годов³⁰. *Стратиграфическое положение данного монетного комплекса – в забутовке и заполнении 2СГ – может быть важным хронологическим репером (первые десятилетия XIII в.), отделяющим самый верхний, последний, строительный горизонт (ВСГ) от нижележащего, который теперь может быть, безусловно, отнесен ко второй пол. XII – первые десятилетия XIII в. А последний строительный горизонт (ВСГ) теперь более обоснованно может быть отнесен полностью к XIII в. Т.е бытование комплекса каменных котлов может быть датировано XII в.*

Бронзовая домашняя утварь. С верхним и вторым строительным горизонтами (ВСГ, 2СГ)

связаны довольно многочисленные находки предметов домашнего хозяйственного обихода, изготовленные из бронзы. Они обнаружены при вскрытии конструкций этих горизонтов в раскопе 1, а также и на поверхности центрального холма (ранней цитадели) и ближайших участков шахристана городища. Ниже приведем краткую характеристику более-менее надежно идентифицируемых находок. При описании в каждом отдельном случае стратиграфическое положение отдельной находки будет оговорено особо.

Блюдца. При расчистке помещений 2СГ на участке 2 Р1 2007 г. в завале пом. 3 найдено бронзовое декорированное блюдце. Диаметр блюдца 17 см, низенький бортик высотой 3,4 см имеет плоско отогнутую фестончатую закраину шириной до 0,8 см (рис. 7-7). В полукруглых фестонах шириной 1,5 см изображены трилистники. Внутри плоского дна вокруг центра кольцевая лента с

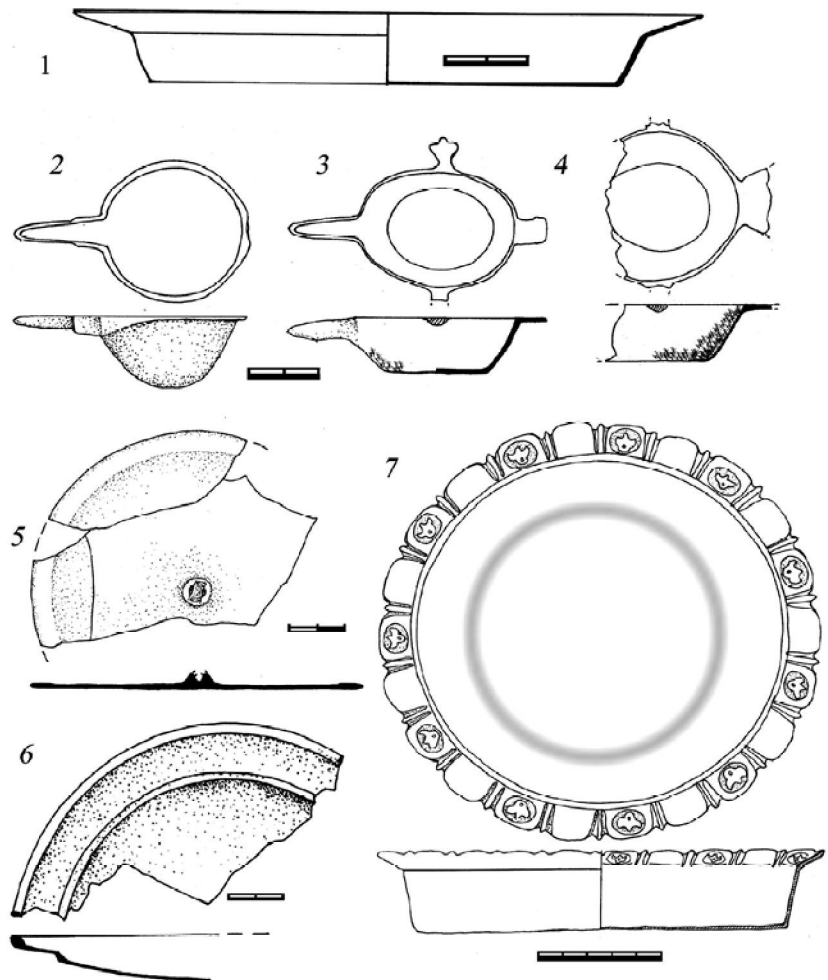

Рис. 7. Бронзовая утварь:
1, 6, 7 – блюдца; 2-4 – усьмадоны;
5 – зеркало

³⁰ Пользуемся случаем выразить признательность П.Петрову за оперативное определение данного нумизматического комплекса.

эпиграфическим орнаментом. Из-за плохой сохранности металла надпись не читается. Подобные небольшие плоские блюда (их фрагменты) довольно обычная находка в слоях XII–XIII вв. Здесь же в Р1 нами найдены еще два фрагмента бортиков подобных изделий (рис. 7-6).

Еще одно бронзовое плоское блюдо найдено почти на поверхности в западной стороне центрального холма цитадели городища. Изготовлено из довольно толстого листа золотистой бронзы. Круглое тулово диаметром 12 см со слегка расширяющимися стенками имеет высоту 2 см (рис. 7-1). Закраина в виде широкого (1,5 см) плоского венчика. На нем имеется квадратный (1,5х1,5 см) вырез. Диаметр по внешнему краю венчика – 15 см. Декоративные детали в виде гравировки или насечек и пр. отсутствуют. Внутри в центре дна имеется шестиугольный след (4,5 см) от некогда припаянной здесь детали. Вероятно, данное блюдо является частью простого бронзового осветительного прибора – «ширакдона».

Бронзовые усьмадоны. На городище в верхнем и втором строительных горизонтах найдено, целых и фрагментированных, три экземпляра. По форме и деталям устройства они аналогичны известным образцам из опубликованных комплексов находок на других городищах (и некрополях) Центральной Азии. Поскольку известно их применение в этнографической городской культуре, то и за археологическими находками этих элементов традиционной культуры в литературе закрепилось название «усьмадон» – сосудик для приготовления выжимки сока растения и приготовления натурального косметического красителя – усьмы³¹.

Бронзовый усьмадон 1 найден на уровне 1 яруса при вскрытии северного прирезанного участка к раскопу 1 в 2008 г. Миниатюрная бронзовая чашечка с уплощенным дном, с носиком-сливом, отходящим от закраины, с ручкой с противоположной стороны от слива и небольшими декоративными элементами по бокам. Практически целый, утрачен лишь один из боковых элементов и частично ручка (рис. 7-3). Чашечка слегка примята, ее диаметр около 40 мм, высота – 18 мм, носик выступает на 20 мм.

Бронзовый усьмадон 2. Подъемка. Найден на глубине 24 см от уровня СДП цитадели Кара-

тобе с помощью металлодетектора. Практически целый, утрачена лишь выступавшая ручка (рис. 7-2). В виде миниатюрной чашечки с выступающим от закраины носиком сливом и следом ручки с противоположной стороны. Стенки довольно массивны, поддон слегка уплощен. Диаметр чашечки – 40 мм, высота – 20 мм, длина носика – 25 мм, его ширина у закраины – 9 мм.

Бронзовый усьмадон 3. Найден под полом 2СГ в пом. 2 на северном участке 2008 г. Фрагментирован. Корпус в форме уплощенной чашечки с диаметром венчика 50–52 мм, высотой – 20 мм. Со стороны вытянутого носика борт чашечки отломан, утрачены так же большая часть плоской ручки и боковые выступавшие элементы (рис. 7-4). По форме и деталям этот усьмадон аналогичен найденным в ВСГ, отличается лишь большими размерами чашечки и более выраженной уплощенностью дна.

Бронзовое зеркало. Фрагменты бронзового зеркала найдены в заполнении ямы второго строительного горизонта. Это плоский круглый (диам. – 11 см) тонкий диск с маленькой (8 мм) петельчатой ручкой в центре оборотной стороны. По краю слабо выраженный плоский ободок шириной 7–8 мм (рис. 7-5).

Ручка бронзового котла найдена в заполнении этой же ямы на глубине 2,5 м.

1. Представляет собой «подкововидную» скобу с расплюснутыми концами. В сечении ручка удлиненно прямоугольной формы (5х12 мм). В раскопанных концах – отверстия, в одном из них сохранилась бронзовая заклепка. Расстояние между отверстиями 6 см, высота скобы 8 см.

2. Еще одна подобная «подкововидная» бронзовая ручка найдена при расчистке помещений ВСГ. Ее толщина 4,5х9 мм, расстояние между отверстиями 8 см, высота скобы 6 см.

3. Концевой обломок такого же типа ручки поднят на поверхности холма городища в западной части. Сечение ручки более округлое, 7 мм в диаметре. Возможно, крепилась двумя заклепками на каждом конце, одна заклепка сохранилась в отверстии, нижнее отверстие обломано.

Очевидно, что подобные «подкововидные» ручки, по две, как минимум, являлись деталями **бронзовых кухонных котлов**, которые были

³¹ Литвинский Б.А.

обязательным атрибутом каждого домохозяйства. Они, похоже, приклепывались непосредственно к прямому вертикальному венчику котла и выступали дугой над его закраиной.

Бронзовый котел. Другой способ крепления ручки (и, вероятно, другой вид котлов) демонстрирует находка в одной из мусорных ям на южном склоне основного холма городища. Здесь в верхней части заполнения ямы, очевидно, относящейся ко второму, или же ВСГ, обнаружен практически целый, но сильно окисленный и деформированный (сплюснутый) кованый бронзовый котел с высокой дуговидной ручкой, сделанной из бронзового же прута (толщиной 10–13 мм) и крепившегося к двум приклепанным чуть ниже венчика петлям (реконструкция формы, рис. 8-2). Петли сделаны из куска такого же прута, один конец которого раскован в округлую плоскую часть, которая приклепывалась к корпусу котла, а другая была загнута в небольшое кольцо. В эти кольца вставлялись утонченные и загнутые крючком концы дугой изогнутого стержня-ручки.

Корпус котла выкован из тонкого листа (2–2,5 мм), имел полусферическую форму (диаметром около 30–34 см, высотой около 20–22 см) с прямым и лишь слегка утолщенным венчиком.

Бронзовые тазы и ступка. На участке цитадели справа от восточного въезда на холм (в 24 м к северу от северной бровки Р1) при зачистке уровня ВСГ обнаружен комплект крупных

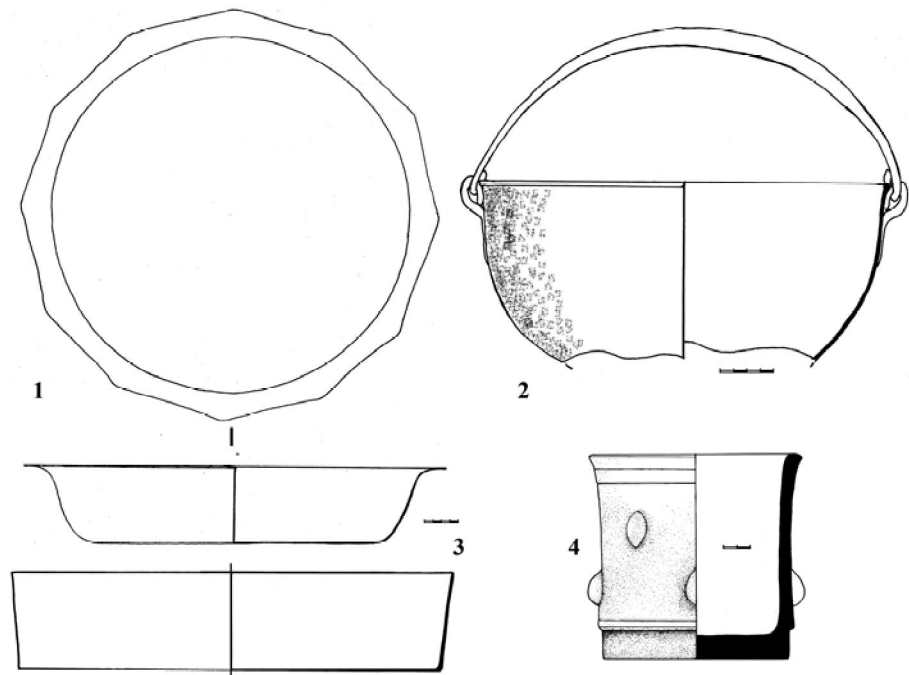
бытовых бронзовых изделий. Комплект состоит из двух тазов, вставленных друг в друга, и бронзовой массивной ступки. Предметы находились *in situ* в середине просевшего пола помещения ВСГ. Внешний таз, возможно, был вмазан в обмазку пола, второй таз вставлен в первый, а ступка лежала рядом с бортиком первого таза.

Тазы изготовлены из тонких бронзовых (медных?) листов с поверхностью золотистого цвета. Изделия сильно окислены и склеились в средней донной части слоем окислов; при расчистке и изъятии изделия распались на части разных форм и размеров.

1. Внешний (первый) таз простой формы. Вертикальные борта высотой 11,5 см, диаметр закраины 51 см. Закраина простая, продолжение вертикального борта. Венчика нет. Стенки достаточно толстые (около 1,5 мм), при расчистке бортик дал вертикальную трещину (вероятно, по месту спайки листа), так же по месту соединения отделилось плоское дно (рис. 8-3).

2. Второй таз изготовлен из более тонкого листа (не более 0,5 мм в донной части). Бортик имеет округлую форму и плавный отгиб, образуя плоский венчик-закраину шириной 3 см. Здесь толщина листа металла около 2 мм. Внешний контур венчика имеет в плане 12-ти гранную форму. Длина граней 13 см; диаметр таза по внешнему краю венчика 49 см, высота бортика – 9,5–10 см. По месту отворота борта к венчику чеканкой

Рис. 8. Крупная бронзовая утварь: 1, 2 – тазы; 3 – котел; 4 – ступка

нанесен орнаментальный поясok шириной 2,5 см, состоящий из геометрических и растительных элементов, плохо различимых до очистки изделия от окислов. В центре дна имеется рисунок, вероятно, птицы, выполненной такими же тонкими чеканными линиями (рис. 8-1).

3. Массивная литая бронзовая ступка лежала на боку вплотную к борту внешнего таза. Диаметр по внешней закраине утолщенного венчика 16,5 см, высота 14 см. У дна снаружи имеется гладкий поясok меньшего диаметра. На внешней поверхности изделия отсутствуют декоративные элементы, не считая восьми миндалевидных «шишечек», расположенных в два уровня (рис. 8-4).

Чашы. Другой не менее распространенной формой бронзовых сосудов у городского населения были **бронзовые полусферические чашы**.

Крупный фрагмент стенки бронзовой чаши обнаружен в закреме пом. 1 2 СГ Р1 2007 г. Размеры фрагмента 80x87 мм. Стенка чаши с плавным изгибом и прямым утолщенным венчиком орнаментирована чеканкой с обеих сторон. Снаружи по закраине поясok шириной 15 мм с повторяющейся замысловатой фигурой. Ниже гладкий слегка выпуклый поясok шириной 10 мм между двумя также выпуклыми полосками. Еще ниже поясok перевитой веревочки шириной 24 мм, а по основной части борта сложно плетенный растительный медальон в прямоугольных картушах. Картуши разделены вертикальными полосами из двух гладких и между ними заштрихованной крестиками полосок. С внутренней стороны по краю венчика поясok с арабографичной надписью шириной 10 мм, ниже концентрическими поясами орнамент центральной зоны, в которой, очевидно, размещалась сложная розетка. Сохранность

металла удовлетворительная. После удаления слоя зеленых окислов металл приобрел красновато-коричневый цвет.

О массовом распространении в быту горюжан аналогичных по форме бронзовых чаш, но с более скромным декором, говорят находки фрагментов венчиков не менее четырех-пяти подобных сосудов. Они обнаружены при расчистке ВСГ и более раннего 2СГ в 2008 г. Диаметр венчика можно достоверно определить по наиболее крупному фрагменту (рис. 9-1); он составлял около 18 см (остальные сосуды были близки по размерам). Венчик не выделен; он прямой, лишь слегка утолщен. В одном сантиметре под закраиной гладкий поясok между двойными, в одном случае, между одинарными (рис. 9-2), линиями. В другом случае, гладкий поясok сантиметровой ширины ограничен как бы рельефной линией шириной 2 мм (рис. 9-4).

Бронзовый кувшинчик найден на восточном участке шахристана в 115 м к востоку от склона центрального холма городища на глубине 26–20 см в поверхностном слое. Изготовлен из золотистой бронзы методомковки, шлифовки и спайки. У него была утрачена имевшаяся вертикальная ручка, тонкие стенки тулова сильно окислены. Корпус кувшинчика имеет грушевидную форму на довольно высоком полове поддоне (рис. 10-1). Блоковидная горловина имеет по слегка отогнутому в виде закраины венчику сильно оттянутый носик-слив. Общая высота сосуда 15 см, высота поддона 1,5 см, высота тулова 9,5 см, горловины – 4 см. Диаметр поддона 6 см, тулова 87 мм, горловины в наиболее узком месте – 2,25 см, длина носика с горловиной 5 см. Очевидны следующие детали сосуда, которые были первоначально изготовлены отдельно: круглое

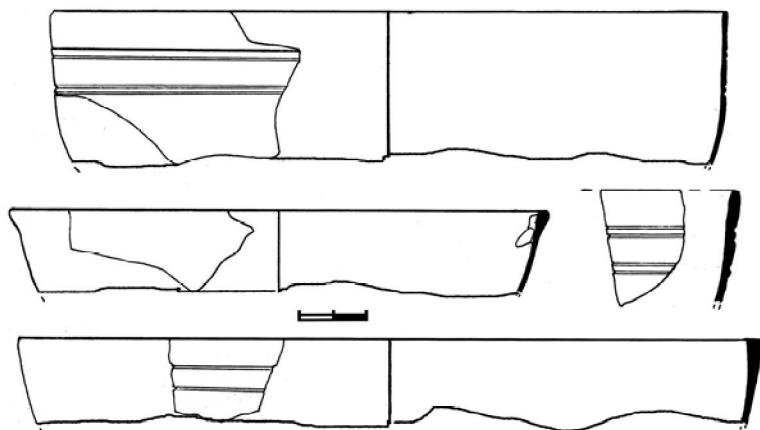

Рис. 9. Фрагменты бронзовых чаш

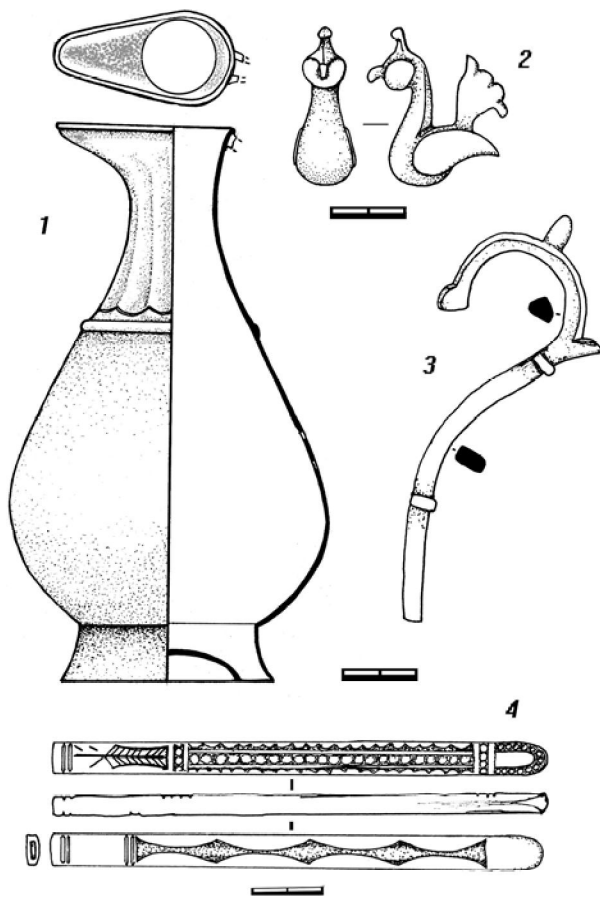

Рис. 10. 1 – бронзовый кувшинчик; 2 – декоративная бронзовая деталь «птичка»; 3 – ручка кувшинчика; 4 – бронзовая ручка столового прибора

вогнутовыпуклое донце диаметром 6 см, вогнуто-конический поддон, грушевидное тулово, горловина и отсутствующая ручка. По горловине прокованы вертикальные расширяющиеся к низу канелюры, место соединения горловины с корпусом подчеркнуто выпуклым валиком, шириной 3 мм. Других декоративных элементов на сосуде не отмечено.

Ручка кувшина. Бронзовая декоративная ручка сосуда, скорее всего, небольшого кувшинчика, но большего чем вышеописанный, найдена в 2007 г. при расчистке помещений ВСГ в восточной части Р1. Ручка литая, в виде знака вопроса; на верхней дуге выступ – упор для пальца (рис. 10-3). Общая высота ручки 12,5 см, толщина прута в нижней части 5–6 мм. Ручка сложного

профиля, в нижней части сечение прямоугольное, в верхней – треугольное. По длине изделия имеется два валика-перехвата, делящие всю длину ручки на три участка. Такого типа фигурные ручки характерны с XI в. в регионах Мавераннахр и Хорасана, где они известны на бронзовых кувшинах массового производства³².

Бронзовая птичка являлась, вероятно, деталью более сложного изделия. Возможно, она была навершием ручки кувшина, или же ручкой крышки какого-то бронзового сосуда. Фигурка литая, ее размеры 44х45 мм, отлита из золотистой бронзы (рис. 10-2).

Фрагмент литого бронзового сосудика найден на поверхности в северной части основного холма городища. Сохранилась лишь донная часть сосуда с поддоном. Диаметр кольцевого поддона 36 мм, высота 3 мм, толщина кольца 2 мм. На наружной стороне поддона имеется кольцевая ложбинка, придающая кольцу профилированный вид. К тому же, на нижней части кольца поддона три выступа длиной 5 мм, на которых, собственно, и стоял сосудик. Толщина стенок сосудика около 1 мм.

Трипод и детали триподов. Еще одна группа находок легко идентифицируется – это детали бронзовых канделябров и два трипода с отломанными ножками от канделябров. Находки деталей подобных изделий обычны в слоях среднеазиатских городов XI–XIII вв.³³ При этом они конструктивно однотипны, что свидетельствует о едином источнике происхождения конструкции, варьируя степень декоративного убранства и оформлением кое-каких деталей, что может свидетельствовать о разных ремесленных центрах освоивших их производство. В сезоне 2007 г. на раскопе 1 при расчистке помещений ВСГ был уже найден один трипод, так что находка этого сезона является уже второй.

1. У находки сезона 2008 г. отломана одна ножка с частью корпуса, но форма изделия, тем не менее, довольно надежно реконструируется (рис. 11-1). Основные параметры трипода: диаметр корпуса чаши 16 см, высота ножек 3,7 см, общая высота 11 см, диаметр основания вертикального ствола 5 см. В отличие от трипода 2007 г.,

³² Ильясов Дж. Будрачский клад // Ученые записки комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. М., 1989. С. 304, рис. 2.

³³

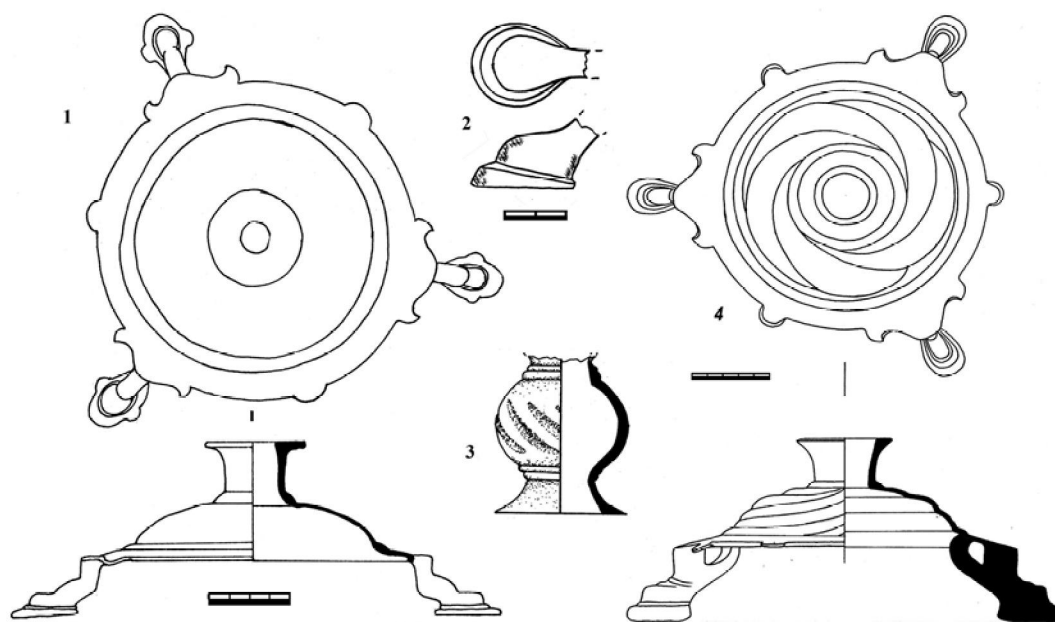

Рис. 11. Триподы и детали канделябров

у данного экземпляра выпуклая часть корпуса гладкая, и диаметр корпуса немного меньше.

2. На уровне дневной поверхности в юго-западной части основного холма городища найдена отломанная ножка другого трипода (рис. 11-3). Она не является частью двух ранее найденных изделий, иные размеры (эта ножка несколько больших размеров) и детали оформления отличаются.

3. Основанием вертикального ствола канделябра, опиравшегося на трипод, является обломок полый внутри детали, найденный на поверхности основного холма городища (рис. 11-2) в виде шара (диам. 4,5 см) с «витой» поверхностью на расширяющемся конусе основания (диам. 4,4 см). Общая высота обломка 5,4 см.

4. Фрагмент бронзовой трехногой подставки под светильник (трипод) найден в основании стены 2 СГ в западной части раскопа 1 (Р.1 2007). Фрагмент представляет собой ножку с прилегающей небольшой частью основного корпуса подставки с выступами по сторонам ножки. Высота ножки 70 мм, с обратной стороны имеется дуго-

видный упор с подвижно надетым на него бронзовым же колечком диаметром 15–17 мм.

5. Первым из найденных на Каратобе был трипод из завала пом. 16 Р1 ВСГ в 2007 г. У него обломана одна из ножек с небольшой частью корпуса. Параметры изделия: диаметр чаши корпуса 18 см, ее высота 5,5 см; высота ножек 6,5 см и высота полого цилиндра для установки стержня светильника – 3,5 см (т.е. общая высота 15,5 см) (рис. 11-4). Поверхность полусферической выпуклой части корпуса оформлена рельефными как бы скрученными ложками.

Такие бронзовые трехногие подставки (триподы) под светильники/курильницы были непременным атрибутом домашнего быта зажиточного слоя горожан в XI–XIII вв. В центре их крепилась высокая полая ножка с чашей наверху. Археологические находки аналогичных атрибутов быта известны в различных городах Центральной Азии. Особо многочисленны они среди находок на городищах Хорасана³⁴. Известны они и по музейным коллекциям. Так, например, известно обширное собрание бронзовых изделий из горо-

³⁴ Атагарриев Е. Средневековые города северного Туркменистана // Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабат, 1982. С. 102-117, рис. 7, 8; Ямпольская Н.М. Металлические подставки под светильники из коллекции А. Н. Смирнова в собрании ГМИНВ // Сообщения ГМИНВ. Вып. 5. 1972; Воронина В.Л. Бронзы Ахсикета из коллекции А. Н. Смирнова // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 143-135, рис. 36-37; Искусство Средней Азии эпохи Авицены. Душанде, 1980, табл. 64; Каталог международной выставки памятников иранского искусства и археологии. ГЭ. Л., 1935. №9. 15, 17, и др.

дища Лягман («Узунская коллекция», Таджикистан), основная часть которого датируется по монетам XI–XII вв.³⁵ В нем имеются и целые бронзовые светильники на триподах, их фрагменты, декорированные полусферические бронзовые чаши, фрагмент бортика подобной обнаружен нами во 2 СГ р.1, бронзовые низкие блюда, подобные найденному нами так же во 2 СГ р.1 городища Каратобе. Особо широко были распространены изделия из бронзы в городах Хорасана, где их производство достигло особого искусства. Опубликовано коллекция бронзовых предметов, среди которых есть и детали светильников на триподах, из туркменского городища Ярты-депе³⁶. Имеются сведения о коллекции бронзовых изделий, происходящих из разрушенного городища Дашлы-алан, среди которых много деталей светильников³⁷. Вопросы хронологии, типологии и происхождения подобного рода элементов материальной культуры городского быта, имевших широкое распространение в Средние века на мусульманском Востоке, достаточно проработаны в историографии³⁸. Известны находки подобного рода изделий из слоев городищ средневекового Тараза, Отрара, Талгара. Для нас же важно констатировать, что, как и следовало ожидать, в быту жителей Саурана в Караханидскую эпоху были обычны высокохудожественные бронзовые изделия.

Бронзовая рукоять. Бронзовая литая ручка какого-то, возможно, столового атрибута (ложка, вилка?). Длина отлитой из золотистой бронзы узорчатой ручки 13,5 см, ширина 1,0 см, толщина 0,5 см (рис. 10-4). В торцовом конце имеется плоское отверстие, служившее для закрепления другой части изделия, которое, возможно, делалось из другого материала.

Бронзовый колокольчик. На уровне ВСГ найден обломок корпуса массивного бронзового колокольчика. Сохранилась лишь верхняя часть корпуса, имевшего вид высокого конусовидного купола. Корпус колокольчика литой, толщина стенок до 2 мм в верхней части купола, диаметр основания мог быть около 4–4,5 см. Отлит

вместе с высокой петлей на вершине с круглым отверстием (диам. 0,5 см) для подвешивания. Рядом с петлей в куполе два сквозных маленьких отверстия для крепления язычка (утрачен).

Бытовые изделия из керамики.

Помимо многочисленных и разнообразных керамических сосудов в быту средневекового городского населения традиционно широко были распространены изделия из керамики. Ниже дадим описание некоторых интересных находок, характеризующих разные стороны культурной и общественной жизни.

Керамическая чернильница. Сделана в виде прямоугольного призматического объема (9,5х3х3,5 см), состоящего из двух резервуаров – удлиненного прямоугольного (5,5х1,6 см) и круглого (диам. 1,8 см). Резервуары имеют черный цвет, над ними вырезан, достаточно небрежно, бортик с пазом, вероятно, для крышки. Наружные ангобированные стороны покрыты резным орнаментом. Боковые длинные грани украшены прямоугольным бордюром из треугольников с характерным вырезом в центре. На торцах прямоугольник разделен по диагонали опять же на треугольники, в центре которых треугольные выемки (рис. 3-5).

Как другой вид керамических «чернильниц» можно интерпретировать еще одну находку с небольшим резервуаром внутри. Небольшое керамическое изделие с конусообразно расширяющимися стенками корпуса и плоским орнаментированным верхом, в котором имеется небольшое отверстие. Сосудик вылеплен ручным способом. Высота 4,5 см, диаметр донца 3,8 см, диаметр верхней плоскости – 9,8–10,0 см, диаметр отверстия 2,8 см (рис. 3-6).

Вокруг отверстия вырезана декоративная пятилучевая розетка. Причем очевидно, что циркульные линии прочерчены специальным инструментом, выемки вырезаны по подсушенному тесту. Борта сосуда подрезаны ножом, поверхность покрыта желтоватым ангобом. Хотя на внутренних поверхностях сосуда нет следов окраски, наиболее вероятно понимание этой

³⁵ Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. М., 1985. С. 165-180, рис. 49, рис. 47-3, рис. 50-4.

³⁶ Бабаев А. Бронзовые бытовые предметы из Ярты-депе // Археологические исследования в Туркменистане. Ашгабат, 1992. С. 111-129. рис. 3.

³⁷ Ходжагельдыев А. Коллекция бронзовых изделий XI–XII вв. из Тахта-Базара // Каракумские древности. Вып. V. Ашхабат, 1977. С. 84-91, рис. 1, 2.

³⁸ Например: Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана... С. 181 и сл.

находки как «чернильницы», или специальной емкости для какого-либо красителя.

Об уровне грамотности населения Саурана свидетельствуют, помимо публикуемых чернильниц, распространение в городском быту бронзовой посуды (блюдца, тазы, блюда), многочисленной керамической посуды с эпиграфическим декором³⁹. Но если эти письменные образцы можно отнести к профессиональной грамотности мастеров, то среди находок имеются и вторичные надписи, сделанные, как надо полагать, уже при использовании вещи. Так интересен фрагмент плечика небольшого керамического красноангобированного тонкостенного сосуда, по которому явно после изготовления была прочерчена арабиграфическая надпись. Имеются и другие случаи кратких потребительских надписей, которые свидетельствуют о достаточно высоком уровне грамотности среди городского населения.

Амулеты в виде керамического сапожка. Среди специфических находок в ВСГ цитадели (Р1) интересен амулет в виде керамического сапожка (рис. 2-2). Амулет изготовлен из плотного теста, качественно обожжен. Одна сторона изделия частично имеет черный цвет, словно оно побывало в огне, если это не дефект обжига. Высота сапога 4,5 см, диаметр верха голенища 2,8 см, размер стопы 4,0 см. Носок моделирован так, что можно считать, что это правый сапог. Голенище пустотелое, сверху имеется сделанное при лепке круглое (4 мм) отверстие во внутреннюю полость. В верхней плоскости имеется еще одно меньшее сквозное отверстие, выходящее в верхнюю часть задней стороны голенища.

Это отверстие, очевидно, служило для подвешивания амулета на тонком шнурке. По бокам голенища острым инструментом до обжига прочерчено схематичное изображение дерева с шестью ветвями. Между ветвями нанесены наколы, изображающие, вероятно, плоды на ветвях. Есть нюансы в изображении дерева на наружной и на внутренней поверхности.

Сапожок 2. Другой аналогичный по форме и назначению керамический предмет, но более

миниатюрный найден в мусорных слоях на уровне 2СГ раскопа 1. Он также воспроизводит форму сапога, но не имеет каких-либо декоративных деталей. Керамика прокалена до черного цвета. В верхней боковой части голенища сделано маленькое отверстие для шнурка. Высота амулета 3,5 см, размер стопы 2,1 см, максимальная ширина голенища – 1,6 см (рис. 2-1).

Сапожок 3. В коллекции находок из раскопа 1 Каратобе имеется еще и фрагмент от аналогичного по типу изделия. Находка происходит из завала помещения 2СГ. Сохранилась лишь головка от более массивного, чем второй амулет «сапога». Высота сохранившейся части 2,6 см, диаметр голенища в месте излома 1,5 см, размер стопы 2,8 см. Головка сделана довольно широкой так, что сапог устойчиво стоит на подошве. Изделие вылеплено из черного плотного теста, подрезано ножом и сверху было покрыто черным ангобом (рис. 2-3).

Подобного рода керамические амулеты известны среди находок на средневековых городищах Южного Казахстана. Например, аналогичные по форме изделия известны среди находок на Отрартобе и Куйруктобе. В данном случае они лишены какого-либо декора. Параметры одного из них 9,0х5,8 см, у него имеется сквозное отверстие в районе «лодыжки», другой крупнее (11,0х8,5 см). Назначение этих находок автор публикации определил как инструменты-колодки для формования кожаной обуви. При этом не обращено внимания на то, что обувь с этих «колодок» была бы уж очень миниатюрной и подошла бы разве что для новорожденного⁴⁰. А обычая шить для новорожденных кожаную обувь в Средней Азии не зафиксировано. К тому же находки подобных богато декорированных изделий заставляют отвергнуть их интерпретацию как «сапожные колодки». Великолепно орнаментированный сапожок-амулет недавно найден при случайных обстоятельствах на Сайрамском городище. Рисунок его орнамента воспроизводит детали кроя и пошива реальных кожаных сапог, бывших непременным атрибутом средневекового костюма⁴¹.

³⁹ В печати.

⁴⁰ Ходжаев М.Б. Инструменты сапожника из Отрара // Города Туркестана. Сборник научных статей. Алматы, 1999. С. 165-168.

⁴¹ Яценко С.А., Байтанаев Б.А. Глиняный амулет-сапожок из Сайрама XI–XII вв. // Восток–Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии» (вып. 8). (Отв. ред. А. А. Бурханов). Казань, 2007.

Особенно же интересен и очень редок декор голенищ каратобинского сапожка в виде «Мирового дерева» с типичными семью ветвями на каждом. У тюркских народов (а также в средневековом Иране и Афганистане) такая орнаментация сапог не отмечена ни в археологических, ни в изобразительных материалах, за одним исключением. Но подобный декор в виде двух крупных «Мировых деревьев» надежно зафиксирован у иранских этносов именно Средней Азии (у других иранцев – нет), причем как древних, так и современных. У согдийцев-мужчин он известен так же размещенным (с боков), однако на них 9 ветвей⁴². Наиболее полную аналогию декору каратобинского сапога-амулета находим у этнографических таджиков (размещение двух Мировых деревьев с 7 ветвями с боков голенища)⁴³. Сапоги девушки-невесты у узбеков Хорезмского оазиса, имеющих древний местный этногенез, «кюнджали масси» также имеют на голенище два вышитых Мировых дерева с 7 ветвями, но размещены они иначе, чем у согдийцев и таджиков и чем в Каратобе – спереди и сзади, что диктуется иным кроем⁴⁴. При этом оба поздних «этнографических» сапожка отличаются от каратобинского и такой деталью кроя тюркского происхождения, как треугольный выступ спереди по верхнему краю голенища; этим они отличаются от более древних согдийского и каратобинского⁴⁵. В раннесредневековом исламском мире сапожки такого кроя с богато декорированными растительным орнаментом голенищами известны, например, на синхронных росписях XI в. из газневидского дворца в Лякшри Базаре (Афганистан)⁴⁶.

Сапожок из Сайрама имеет два сквозных отверстия в голенище, при помощи которых он может подвешиваться на ремешке так, что в силу тяжести он будет висеть носком вверх и

будет обращен к зрителю подошвой, покрытой сложным орнаментом. Отверстия для подвешивания присутствуют так же и на каратобинском и на отарских амулетах. Издатели сайрамской находки вполне доказательно считают, что эти находки служили амулетами, т.к. подобные керамические предметы в виде сапожков известны во многих древних и средневековых обществах на Ближнем Востоке, на Юге Европы, у кельтов, поздних скифов и германцев-готов. Но это обычно сосуды, покрытые росписью или гравировкой. Бытовали также золотые амулеты в виде сапожков, входившие, видимо, в состав ожерелий (они, например, известны в составе Сибирской коллекции Петра I и в одной из могил знаменитого юэчжийского некрополя Тилля-тепе в Афганистане). Каменный амулет в виде остроносого полусапожка был подвешен у пояса женщины-сарматки I-II вв. н.э. из кургана 4/1 Булановского могильника в Приуралье⁴⁷. Авторы предполагают, что эти амулеты-сапожки могли висеть в каком-либо раннеисламском святилище-мазаре в качестве приношения, но не менее вероятно, что они служили личными амулетами и могли носиться на шее или поясе. От комплекса верований, в которых сапог (нога, башмак) играли какую-то не совсем теперь ясную роль мало что осталось. Культовая функция изображения ноги/ступни и круг религиозных пережитков-верований, связанных с амулетами-сапожками, неоднократно рассматривалась специалистами в связи с археологическими находками⁴⁸. Как известно, у многих народов Евразии особая функция придавалась обрядам именно с правым сапожком (клятва, принятие в новый род и т.д.).

Помимо вышеописанных категорий находок в слоях XII–XIII вв. из Каратобе имеется коллекция ювелирных изделий, деталей наременной

⁴² См.: Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006. Рис. 181, 87.

⁴³ Майтдинова Г.М. История таджикского костюма. Т. II. Душанбе, 2004. Рис. 57.

⁴⁴ Сазонова М.В. Женский костюм узбеков Хорезма // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989. Рис. 13, 5а

⁴⁵ Автор с благодарностью использовал консультации по истории обуви у С. А. Яценко.

⁴⁶ Schlumberger D. Le palais ghaznevide de Lakshkari Basar // Syria. V. 29, 1952; Майтдинова Г.М. История таджикского костюма. Т. II. Душанбе, 2004. С. 25, рис. 2.

⁴⁷ Халатин М.В., Моргунова Н.Л. Новые материалы среднесарматской культуры с территории Южного Приуралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Актобе, 2005. С. 128; рис. 9, 1.

⁴⁸ См. напр.: Кореневский С.Н. Культ стопы у племен юга восточной Европы и Предкавказья в эпоху энеолита и бронзы (археологические источники и некоторые вопросы развития древнейших верований) // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999. С. 54-77; Богомолов Г. К вопросу о культе ступни в Средней Азии // Transoxiana. История и культура. Ташкент, 2004. С. 287-290.

гарнитуры, бытовой керамической посуды, изделий из кости, свинцовых plomb, монет, пуговиц и пр. артефактов. Интересны стратиграфические данные показывающие непрерывную эволюцию городской застройки в данной части цитадели, и планиграфические данные по развитию форм жилища в средневековом городе на хронологическом отрезке VIII–XIII вв. Публикуемый в данной статье комплекс материалов XIII в. показывает, что уровень материальной культуры города после подчинения монголам не претерпел деградации. Во всяком случае, в быту горожан сохранились все те же категории дорогих металлических атрибутов, а жилища, отличались высокой степенью комфортности.

Таким образом, начатые на Каратобе археологические исследования, показывают перспективность городища древнего Саурана в целях дальнейшей консервации и музеефикации различных элементов средневекового города поры блестящего развития городской культуры. Подготовленные для музеефикации элементы городской застройки (жилища, общественные и крепостные сооружения и т.п.) периода IX–XII вв. в комплексе с объектами рядом расположенного позднесредневекового Саурана со временем могут наглядно демонстрировать эволюцию городской культуры Южного Казахстана на протяжении всей эпохи средневековья. Полученные массовые материалы послужат надежной источниковедческой базой для рассмотрения ряда важных малоисследованных проблем возникновения и развития городской культуры как интегральной части культуры средневекового Казахстана.

Резюме

Бұл мақаламен Көне Сауранның (Қаратөбе ортағасыр қаласы) мәліметтері және қазба жұмыстарының нәтижелері жариялана бастады. Қаратөбе ортағасыр қаласының цитаделінің оңтүстік-шығыс жағында үстіңгі құрылыс қабатында жүргізілген жоспарлы қазба жұмыстары барысында көптеген артефактілер коллекциялары табылды. Мақалада табылған заттардың кейбір категориялары жазып баяндалады. Жарияланып отырған саз балшықтан жасалған тұрмыс заттар, қолөнерші құрал-саймандары, тастан және мыстан жасалған тұрмыстық ыдыстар, тұмарлар және басқа заттар мақала авторының ойынша, Сауранның XII–XIII ғғ. қала мәдениетінің биік дамуын сипаттайды. Қаланың үстіңгі қабатын зерттеулері тарихи-этнографиялық тұрғыда қаланың тұрмыс мәдениетін қайта құруын және көптеген маңызды проблемаларды, мысалы, «моңғол шапқыншылығы проблемасын» қарастыруға мүмкіндік береді. Қаратөбеден табылған материалдардың жариялануы жалғастырылады.

Summary

With this article we start publication of materials and findings discovered during excavations of the ancient city of Sauran (ancient site of Karatobe). Systematic excavations of the upper occupation layer in the south-eastern part of Karatobe citadel, which is identified with the historical city of Sauran, yielded a wide range of artifacts. The article gives detailed description of some groups of finds such as household earthenwares, handicraftsman's implements, stone and bronze household vases and vessels, terra-cotta amulets, etc., which, in the opinion of the author, testify to the high level of urban culture of Sauran in the XII–XIII centuries. Study of the site upper occupation layer may allow to reconstruct on the basis of the source studies historical and ethnographic aspects of the urban living standards, to examine topical issues of the development of Medieval city, among which is the problem of the "Mongolian Conquest". Publication of the findings from Karatobe is to be continued.